

Globethics Repository

The logo for Globethics, featuring the word "Globethics" in white, sans-serif font centered within a solid blue rectangular background.

Я умею говорить: "нет"

This page was generated automatically upon download from the Globethics Repository. More information on Globethics see <https://www.globethics.net>. Data and content policy of Globethics Repository see <https://repository.globethics.net/pages/policy>.

Item Type	Article
Authors	Волчек, Галина
Publisher	Экономические стратегии
Rights	With permission of the license/copyright holder
Download date	2026-07-08 19:05:52
Link to Item	http://hdl.handle.net/20.500.12424/154202

Галина ВОЛЧЕК

Я умею говорить: "нет"

"Экономические стратегии", 2002, №4, стр. 64-69.

*«В театр приходят
не смотреть слезы,
а слушать речи, которые
их исторгают»*

Дени Дидро

Действительно, зачем люди ходят в театр? Неужели в нашей сумасшедшей и непредсказуемой реальности не хватает поводов для слез и смеха? И все же в жизни всегда есть место празднику, и этот праздник – театр.

"Современник", как и его художественный руководитель Галина Волчек, в представлении не нуждается. Каждый спектакль, комедия или трагедия, классика или авангард, – это событие.

В течение 46 лет, с момента основания театра группой молодых актеров, зрительный зал неизменно полон.

Галина Волчек стояла у истоков "Современника", служила в нем и как актриса, и с 1961 года – как режиссер, а в 1972 году была избрана труппой театра главным режиссером. Олег Ефремов однажды сказал, что в этой женщине его больше всего привлекала "... ее верность. Верность той идее, с которой родился "Современник".

В гостях у народной артистки СССР, художественного руководителя театра "Современник" Галины Волчек – главный редактор журнала "Экономические стратегии" Александр Агеев.

Один из спектаклей театра "Современник" называется "Еще раз о голом короле". Не кажется ли Вам, что люди, управляющие наиболее важными процессами в мире, – это "голые короли"?

Я не взялась бы столь категорично рассуждать на эту тему, а тем более, давать оценки. Голый король – вечная тема, на которую написана гениальная сказка Андерсена и не менее гениальная пьеса Евгения Шварца. Но буквальное восприятие литературы, театра или кино – утром в газете, вечером в куплете – это явление, которого следует опасаться.

Недавно Вы поставили замечательный спектакль – "Три товарища". Я с удовольствием посмотрел его два раза. Насколько мне известно, президент "Интерроса" Владимир Потанин также является поклонником Вашего театра.

Владимир Олегович немало помогал нам, в том числе и когда мы ставили "Три товарища". Будучи членом Президентского совета, я имела возможность наблюдать, как он оказывал финансовую поддержку Эрмитажу, спонсировал ряд фестивалей. В прошлом году в Петербурге я стала свидетелем того, как Потанин вручал свои стипендии студентам Петербургского университета – очень просто, без пафоса. Сегодняшние стипендиаты – это надежда нашей страны, будущее, в которое Владимир Потанин вкладывает огромные деньги. Одни финансируют конкурсы красоты, другие – отечественную культуру. Поймите меня правильно, я никого не осуждаю. Думаю, что Потанин не случайно, а вполне осознанно помогал и помогает "Современнику". Поверьте, невероятно сложно перенести на сцену прозу, а тем более такую, где действие происходит за городом, у моря или в городе, на автомобильных гонках. В спектакле есть все: плещутся волны, едет трамвай, поет Эдит Пиаф.

И это не просто звуковые эффекты, а необходимая составляющая творческого процесса. Конечно, сами мы бы этого не осилили, но нас поддержал Владимир Олегович. Пользуясь случаем, хочу еще раз его поблагодарить.

"Три товарища" – это Германия после Версальского мира: война унесла лучших представителей нации, страна в сложной экономической ситуации, люди потеряли уверенность в завтрашнем дне, и, тем не менее, герои демонстрируют чудеса

самоотверженной любви, они социально активны. Или другой Ваш спектакль – "Крутой маршрут". Очевидно, что театр стремится не просто говорить о вечном – о добре и зле, верности и предательстве, – но и передать дух времени. Каковы режиссерские критерии отбора драматического материала, что для Вас важнее – эпоха, автор или это случайный выбор?

Нет, случайности тут вообще быть не может. "Современник" – театр, который никогда не врал и потому заслужил доверие зрителя. Это не значит, что у нас не было провалов, художественных спадов, неудач, тяжелых периодов – все было. Я говорю о тенденции. Когда поменялась наша жизнь и появились новые возможности, мы не просто шаг за шагом обошли прежде недоступную территорию, мы ее истерически обежали. Хотелось поставить все, что раньше было запрещено. Не надо буквально воспринимать название театра, как гражданское кредо. Ведь и классику можно прочесть созвучно современности. Я имею в виду не внешние атрибуты такого прочтения – Гамлет в джинсах или Джульетта в мини-юбке, – а внутреннюю корреляцию со временем. Мне кажется, что главный критерий жизни и деятельности любого художника (а театр – это коллективный художник) – умение увидеть и услышать, что происходит за окном. Безусловно, есть и внесоциальное театральное искусство. Оно имеет право на существование и, более того, очень модно сейчас.

А как Вы сами воспринимаете импульсы эпохи последние 10-12 лет?

Это период достаточно экстремальный для России – страна, не притормозив, круто изменила направление движения. 1990 год запомнился эйфорией от перемен, от того, что вынули кляп из рта, появились продукты на прилавках. Я ожесточенно спорила с теми, кто а priori не принимал новых веяний, пыталась убедить их, что плохо, когда ребенок, никогда в жизни не пробовавший фрукта под названием киви, бежит за иностранцами и выпрашивает жвачку.

В 1990 году "Современник" впервые побывал на гастролях в Америке. Помню, в Сиэтле на улице у нашего продюсера что-то зазвенело в портфеле, мы испугались, а он достал телефон и стал разговаривать. Сейчас об этом смешно вспоминать, но тогда было ощущение чего-то нереального. Сегодня большинство москвичей, да и не только москвичей, пользуется сотовыми телефонами. А ведь прошло всего 12 лет. В историческом масштабе – ничтожно малый отрезок времени.

Серые, закрытые бумагой прилавки, фарцовщики – все это было совсем недавно. Пусть сейчас не каждый позволит себе фирменные джинсы, но уж какие-нибудь купить можно. Это не значит, что все у нас в стране хорошо и мы покончили с проблемами. Они есть, их немислимо сложно решать. В моей работе, например, огромное место занимают вопросы, связанные с коммерческой стороной жизни театра. В 1978 году я приехала в США ставить спектакль и рано утром оказалась в доме своей коллеги, руководителя театра Arena Stage в Вашингтоне. Вместе со своим финансовым директором она сидела над каким-то документом и что-то считала. Эта картина меня изумила, я спросила: "Ты и в этом понимаешь?". И услышала в ответ: "Детка, если бы я в этом не понимала, у меня бы не было театра". Сейчас я ее вспоминаю каждый день. Слава Богу, государство субсидирует театры, но надо откровенно признать – на эти деньги невозможно прожить, хотя и без них – тоже. В драматическом искусстве мы всегда были первыми в мире, точно так же, как американцы в мюзикле. Если не будет денег, мы лишимся этого приоритета. Все понимают: надо что-то предпринять, поэтому большинство театров занимается коммерческой деятельностью – сдают в аренду помещения, открывают рестораны и магазины. У нас, к сожалению или к счастью, нет такой возможности. Сегодня актеры снимаются в сериалах и рекламе, ездят по антрепризам. И это правильно, потому что они хотят нормально жить, а представления о норме сильно изменились, их определяют совсем другие понятия. Мы доживаем свою жизнь вне этих понятий. Недавно мне понадобилась виза в США. В посольстве попросили справку о недвижимости, и выяснилось, что у меня нет никакой недвижимости. Даже моя квартира в свое время была приватизирована на сына. Это те реалии, в которых мы жили: сдавали государству 50% гонораров, которые получали за постановки и выступления за границей.

Сегодня театру не выжить без государственных дотаций, равно как без помощи наших друзей. Я умышленно не называю спонсорами тех, кто нас поддерживает, потому что они настоящие друзья нашего коллектива. Это и Владимир Потанин, и руководитель "Росбанка" Евгений Иванов. Недавно на вечере, организованном в "Современнике", я сказала: самое большое наше достижение в том, что актеры, не имея банковских счетов, тем не менее, называют "Росбанк" "нашим банком". А нам хотелось бы, чтобы и в "Росбанке" считали своим театром "Современник".

Позвольте чуть-чуть драматизировать вопрос. Не кажется ли Вам, что в каждом из нас есть нечто от великого инквизитора?

Чехов – мой любимый драматург – считал, что все люди плохие – хорошие и хорошие – плохие. В каждом есть и ангел, и дьявол.

Несмотря на тяготы жизни, "Современник" – это театр, исполненный мудрого и светлого начала. Что помогает Вам сохранять силу духа?

Мне кажется, художнику нельзя смотреть на мир через розовые очки, но и впадать в агрессию, в уныние по любому поводу тоже не следует. После трагического поворота судьбы наступает очищение, появляются новые силы, чтобы жить и бороться дальше.

И, конечно же, нам помогают зрители, без которых нет театра. Когда театр не востребован, никакая реклама не поможет заманить туда людей. Если бы зрители не доверяли "Современнику", вряд ли мы смогли бы каждый вечер в течение 46 лет заполнять зрительный зал на восемьсот мест.

А как Вы думаете, сколько всего в мире поклонников искусства театра "Современник"?

Трудно сказать. Посмотрите, как помолодел наш зритель; это внуки тех, кто стоял в театральных очередях в 1960-е годы. Такая преемственность поколений внушает оптимизм. Будь то Рига, Израиль или Соединенные Штаты, везде, где есть русские, театру сопутствует успех. Люди приносят на спектакль наши старые программки. Давным-давно, уезжая навсегда, они, среди прочего, везли с собой эти пожелтевшие листочки как память о театре. Когда думаешь об этом, ощущаешь не только радость и гордость, благодарность за такую любовь и доверие, но и ответственность перед зрителями.

Вы не только режиссер и актриса, но и руководитель трудового коллектива, каждый член которого не просто личность, но и талант. Как Вам удастся сохранить дух команды?
Могу сказать одно – это не просто. Главное – не допускать до себя сплетников, которые были, есть и будут в любом коллективе. Ни разу за тридцать лет я не нарушила этот принцип. И не оттого, что я такая хорошая, а они плохие. Это своего рода творческий эгоизм – мне необходимо любить членов труппы, чтобы встречаться с ними в роли "артист-режиссер". Если что-то омрачает эту связь, возникает трудно преодолимый барьер. В театральной среде есть и наушничество, и зависть; ее не может не быть – каждый артист, как каждый солдат, хочет стать генералом. Есть у меня еще одно качество, которое, если не помогает, то, по крайней мере, не мешает мне руководить: я умею говорить: "нет" и делаю это не всегда мягко. Когда, например, знакомые или родственники просят у меня для кого-то роль, не только не поддаюсь на психологические провокации, но становлюсь злой и непримиримой. Могу рискнуть, неоправданно поверить в актера, а потом жалеть об этом, но это будет мое решение. Заставить меня нельзя ни за какие деньги, в прямом и переносном смысле этих слов. Третий принцип, которому я неукоснительно следую, обычный управленец вряд ли поймет, но в нашем деле он один из важнейших. Для того чтобы бывший актер мог руководить театром, ему надо, прежде всего, победить свое актерское сознание, а это очень трудно. Но главное – я люблю людей, люблю тех, с кем работаю, даже когда я их не люблю. Это не парадокс, а психологическая аксиома. Понятие "народ" дискредитировано в нашей стране в результате идеологических спекуляций, но "люди" – для меня не только общее понятие. Когда на дороге встречается грузовик с надписью "люди" на борту, у меня сжимается сердце.

Какой поступок Вы не смогли бы простить актеру?

Предательства по отношению к театру, неважно, внутреннее оно или внешнее.

Часто люди загоняют себя в тупик, суетятся, зарабатывая деньги. Посоветуйте, как им вернуться к жизни.

Мне кажется, этим людям уже никто не поможет. Слава Богу, не все такие. У меня есть очень близкий друг, молодой бизнесмен, представитель другой генерации. Это Михаил Куснерович – творческая личность и в жизни, и в бизнесе. И он не один, рядом с ним – его соратники,

институтские друзья, жена, которая могла бы сидеть дома и заниматься собой, а вместо этого работает с невероятной отдачей и заинтересованностью. Именно Миша Куснерович придумал посадить вишневый сад в Нескучном саду, устроил праздник и пригласил на него массу интересных людей – Юрия Башмета, Михаила Плетнева, Павла Когана, Марка Захарова и многих других. Народу собралось так много, что Марк Анатольевич заметил: такую массовку не под силу собрать ни одному режиссеру. Это было великолепное действие, организатор которого произнес замечательную речь. Он сказал: здесь присутствуют потомки тех, кто вырубал вишневые сады, и тех, кто боролся за их сохранение. Так давайте же на этот раз просто посадим вишневый сад. Куснерович обладает таким вкусом и чувством стиля, что мне иногда в тысячу раз интереснее обсудить спектакль с ним, чем прочесть критическую статью. И это не значит, что он всегда хвалит все, что мы делаем, напротив. В самом начале нашей дружбы Миша посмотрел "Три товарища" и сделал ряд дельных замечаний, которые очень помогли нам в работе.

У Вас есть любимый афоризм, притча, поговорка?

Они все время меняются. Сегодня это: "Не плюй в колодец, пригодится воды напиться".